

Н. А. Лаптева

Система образов в автобиографическом рассказе Ф. И. Чудакова «Редакционное собрание» *

Исследуется прозаическое творчество Ф. И. Чудакова (1888–1918), чьи произведения по идеологическим причинам не переиздавались в течение ста лет и только недавно, после выхода в свет двухтомного собрания, стали доступны широкому кругу читателей. Актуальность работы обусловлена малой изученностью творчества писателя, а также возрастающим вниманием к личности и художественному наследию этого автора.

Участник революционного движения, Ф. И. Чудаков прошел через аресты, тюрьмы, ссылку, побег. На примере автобиографического рассказа «Редакционное собрание» (1911) в статье рассматривается система персонажей, в которой выделяются идейные оппозиции: «политики» — власть; эсеры — эсдеки. Они не только отражают реальное положение дел в предреволюционную эпоху, но и воплощают авторскую концепцию личности. Место героя в системе образов и его оценка зависят от принадлежности к той или иной социально-политической группе. Однако проведенный анализ произведения доказывает, что расстановка персонажей прежде всего обуславливается важными для Чудакова критериями оценки личности. Сплоченные общим делом — изданием рукописной тюремной газеты, эсеры представлены как политически активная группа, способная вести борьбу за свои идеалы даже в условиях несвободы. Многие из них имеют свои особенности — прозвища, портретные штрихи, индивидуальную речевую манеру. Эсдеки же обрисованы предельно обобщенно, безлично, как обособленная от других группа, ведущая себя эгоистично, незаинтересованно по отношению к общему делу и даже беспринципно. Тюремщики и вовсе не имеют человеческого облика, что обусловлено их моральным вырождением. Своеобразным критерием оценки нравственности персонажей становится их отношение к изданию и сохранению листов рукописной тюремной газеты. Особую роль в демонстрации авторского отношения к персонажам играет прием обманутого ожидания.

автобиографический рассказ; деталь; образ повествователя; образная система; прием «обманутого ожидания»; Ф. И. Чудаков, «Редакционное собрание»

Введение. Обоснование актуальности исследования

Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918) — талантливый литератор, на долю которого выпало стать свидетелем трагических событий. Он участвовал в революционном движении, за что был арестован, отправлен в политическую ссылку, из которой ему удалось бежать; испытал горькое разочарование в большевистской власти и добровольно «решил, что больше не может жить» и лучше всей семьей уйти «честными и чистыми» [Последнее письмо... , с. 495].

Делом жизни для него стала не только революционная деятельность: находясь под арестом, в ссылке, он обрел свое призвание в писательстве. Публицистика и художественная литература предреволюционного периода обогатилась его фельетонами, лирическими, прозаическими и драматическими произведениями.

Личность и творчество Ф. И. Чудакова стали известны широкому кругу читателей совсем недавно. В силу идеологических причин этот автор был на долгое время предан забвению, а его произведения не переиздавались в течение ста лет. Его творческое наследие достойно войти в контекст не только региональной литературы, а поэтому требует детального литературоведческого анализа, чем обосновывается актуальность данного исследования.

* Лаптева Н. А. Система образов в автобиографическом рассказе Ф. И. Чудакова «Редакционное собрание» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 91–99. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.010>

© Лаптева Н. А., 2020

Проза писателя может стать источником для анализа исторической эпохи, своеобразным отражением настроений и устремлений людей, а главное — отражением мироощущения самого автора. По точному выражению исследователя, «произведения Чудакова являются ценнейшим художественным документом эпохи, в котором максимально честно, без всякой казенщины и официоза, без псевдопатриотического пафоса или, наоборот, без лицемерной либеральной слащавости отражается — последовательно, буквально день за днем, — динамика российской действительности предреволюционного десятилетия, сам ход российской истории, ее поступь» [Урманов, 2019, с. 27]. В каких образах отразились быт и бытие политических заключенных, какие средства и приемы использует Ф. И. Чудаков для их создания, как образная система отражает мировоззренческую концепцию автора — центральные вопросы исследовательской работы.

Активный член партии социалистов-революционеров Ф. И. Чудаков в 1906 году был арестован по доносу за «преступную» пропагандистскую деятельность и помещен в следственную камеру сначала чембарской, позже губернской тюрьмы Пензы. Затем состоялся суд, приговоривший юношу к трем годам ссылки, в которую тот был отправлен по этапу через красноярскую пересыльную тюрьму. Отбыв половину срока в Червянке, среди глухой и суровой тайги, в тяжелейших условиях, Фёдор Иванович бежал в Красноярск, затем в далекий Благовещенск, где, проживая по подложным документам, сотрудничал с несколькими местными газетами. Однако жандармское ведомство вышло на след Чудакова: в начале 1909 года он вновь оказался среди политических заключенных, теперь уже в благовещенской тюрьме.

На страницах прозаических произведений писателя запечатлен арестантский быт, который автор испытал сам. Среди автобиографических произведений особенно интересны бытописательные «Редакционное собрание» (1911), «Шамиль» (1918), «Арестант» (1918). Несмотря на очерковость, которая проявляется в установке на достоверность материала и детализацию описаний, рассказы обладают несомненной художественной ценностью. «Мемуары Чудакова демонстрируют мастерство владения словом, незаурядность художественного дарования, проявляющегося даже в жанре, казалось бы, нехудожественном» [Урманов, 2016, с. 688].

Классификация героев рассказа Ф. И. Чудакова «Редакционное собрание»

Идейная оппозиция «эсеры — эсдеки». События, описываемые в «Редакционном собрании», основаны на воспоминаниях автора о пребывании в пензенской тюрьме в 1907 году. Под псевдонимом Фёдор Ч. рассказ был опубликован в газете «Эхо» (Благовещенск) 30 января 1911 года.

В силу небольшого объема произведения герои обрисованы весьма лаконично и пунктирно. Место в системе персонажей и высвечивание индивидуальных черт определяются поступками героев, а именно их отношением к изданию тюремной газеты. Это событие становится метонимическим отражением сущности героев.

Издание тюремной газеты, абсолютно несвойственное обстановке событие, становится центром сюжетной линии. Перед читателем предстают будни политических заключенных, которые даже в условиях лишения свободы пытаются вести революционную деятельность. Герои раскрываются через отношение к созданию тюремной газеты и поведение во время обыска. Событие становится также центром, вокруг которого выстраиваются образы. «Поведение героя и его характерологические признаки взаимосвязаны. <...> Притом поведение персонажа — это не только поступки, действия, но и любое участие в сюжетном движении, вовлеченность в совершающиеся события и даже любая смена душевных состояний» [Гинзбург, 1979, с. 89].

Первое, что нужно было решить героям рассказа, — выбрать редактора. И уже это стало камнем преткновения для заключенных, являющихся членами разных партий. Так выявляется особая оппозиция в системе персонажей. «Политики», отбывающие наказание по одним статьям, противостоящие одному врагу — самодержавию, казалось бы, должны быть идейно сплоченными. Однако партийные разногласия переносятся и в стены камер. «Эсдеки из второй камеры выдвинули кандидатуру Жоржа Русого» [Чудаков, 2019, с. 41]. Скорее всего, это не истинное имя героя, а прозвище, так как звучит слишком необычно: Жорж — французский вариант имени Георгий, к которому для эффекта добавлено истинно национальное, русское прозвание Русый, к тому же «Жорж Русый в газетном деле понимал столько же, сколько таракан в математике». Это ироничное замечание о ничтожных, тараканьих, познаниях эсдека в газетном деле невольно бросает тень на всю ячейку, оставшуюся в рассказе и вовсе безымянной массой. Довершает комический эффект

замечание о том, что способности «такого нелепого кандидата» «учитывали и сами эсдеки и выставляли... только “принципиально”» [Там же].

С «нашей» стороны, то есть со стороны эсеров, к которым принадлежит и повествователь, кандидатом стал достойный представитель — Никита Кожемяка. Выбор, судя по той характеристике, которую дает ему автор, неслучаен: «Казалось, раз человек на газетном деле погубил все свои права, так ответственный пост редактора тюремной газеты уже самой судьбой для него предназначен» [Чудаков, 2019, с. 41]. Никита находился в тюрьме последние дни, так как «ожидал переселения на Лену» — в ссылке. Настоящий революционер, осужденный за пропаганду, и в тюрьме способен отстаивать свободу слова. Истинный герой-борец награжден богатырским именем — Никита Кожемяка. Вероятно, это тоже прозвище: революционная борьба героя сродни сражению былинного богатыря с врагом-печенегом. Издательская деятельность в условиях несвободы становится таким же ратным подвигом: за подобные дела могли надолго посадить в карцер или изувечить. Сходство с богатырем подчеркивает выразительная портретная деталь — «великолепная черная борода» [Там же]. Никита — единственный герой, внешность которого приведена в рассказе. Такая избирательность объясняется авторским замыслом: «...каждая самобытная художественная система возникает путем *выбора* средств (следовательно, *отказа* от других средств), самых нужных для познавательных целей писателя. <...> Виденье большого писателя не бывает всесторонним — это всегда угол зрения» [Гинзбург, 1979, с. 91]. Под особым углом зрения Ф. И. Чудакова оказывается новый герой рубежа веков — революционный борец, который несет наказание за свои идеалы, но не предаёт их.

И если первое упоминание портретной подробности Никиты Кожемяки на фоне безликости остальных героев вызывает недоумение, то в конце рассказа именно его борода сыграет ключевую роль в спасении драгоценного газетного номера. «В искусстве случайность... — это только иллюзия случайности, только знаки, расставляемые демиургом-писателем для того, чтобы создать “неотобранный мир”» [Гинзбург, 1979, с. 204].

О проигрыше кандидата эсдеков сообщается не менее иронично, чем о его способностях: «Жорж Русский торжественно сел в калошу» [Чудаков, 2019, с. 41]. Произведенное впечатление становится выразительнее, потому что читатель меньше всего ожидал подобного окончания фразы. Этот стилистический прием Р. Якобсон называет «обманутым ожиданием» (или «несбывшимся предсказанием») [Якобсон, 1987, с. 85]. Основан прием на легкой «неправильности, выделяющейся на фоне регулярности» [Якобсон, 1987, с. 85], то есть нарушении предположений читателя в отношении смысла фразы.

Единомышленники кандидата воспринимают поражение как личное оскорбление: «...сейчас же заявили о своем выходе из редакционного комитета» [Чудаков, 2019, с. 41]. Неудивительно, что отсутствие единства между политическими силами, их противостояние продолжается и в тюремных камерах: «Эсдеки демонстративно покинули редакционное помещение (верхний корпус, камера № 8) и совсем недвусмысленно дали нам понять, что будут издавать свою собственную газету» [Там же]. Об этой «собственной» газете в рассказе ничего не сказано, зато уделено особое внимание номеру, выпущенному под редакцией Никиты Кожемяки.

Средства создания образов героев-эсеров. В рассказе остальные герои лишь поименованы, однако и для них автор находит «формулы узнавания» [Гинзбург, 1979, с. 15]: формы «поведения и общения (ибо значимо не только то, что совершает человек, но и то, как он при этом себя ведет)» [Хализев, 2004, с. 186].

Самый юный представитель «нашей» камеры — Ваня Пиголица. Нельзя исключать, что он — обладатель «говорящей» фамилии (пигалица — «1. Небольшая птица отряда куликов, луговой чибис. 2. перен. О невзрачном, низкорослом человеке (разг. пренебр.)» [Ожегов, Шведова, 1997]. О внешности героя судить невозможно, однако на юный возраст указывает говорящая деталь: когда поступило предложение прочесть «свою вещицу» для литературного отдела газеты, «Ваня Пиголица, вспыхнув, как зарево, достал из-под подушки несколько исписанных листочков и начал...» [Чудаков, 2019, с. 42]. Краснеть от застенчивости и хранить самое сокровенное под подушкой — свойства, характерные для неискушенных молодых людей.

«Политик» Пулемёт, острый на язык и способный одной фразой сразить любого оппонента, за что, по-видимому, и награжден таким прозвищем, ушедших эсдеков провожает так: «С Богом! Только где вы карикатуриста возьмете? Разве Гниду?» [Чудаков, 2019, с. 41]. Так в лучшие времена провожали в путь или на битву, так напутствовали на великие дела и начинания. В устах Пулемёта это напутствие звучит весьма иронично, подчеркивая несостоятельность затеи.

Гнидой именуется помощник начальника тюрьмы, более точного прозвания у которого появиться и не могло.

Вступит в словесную перепалку Пулемёт еще и со своим соратником. Возникшие было разногласия об изящности почерка Пулемёта, пожелавшего быть «типографией» («— Хйба ж у тэбэ почерк? — прэзрительна протянул Хома Пампушка. — Такой почерк, черты его батьку... — Ну, печатай ты! — огрызнулся Пулемёт. — Тоже каллиграф, подумаешь...») [Чудаков, 2019, с. 41]), умело разрешаются опытным редактором — предложением критикующему самому взяться за роль типографии. Более разногласий в редколлегии не возникает: все решения принимаются единогласно.

Несмотря на вспылчивый характер Пулемёта, ему достается ответственное задание во время первого заседания редакции. Чтобы занятиям не помешала тюремная администрация в лице Гниды или самого начальника — Моржа, Пулемёта отрядили быть «на стреме» у дверей камеры. Зато остальные участники плотнее сдвигаются возле стола как истинные заговорщики, члены подпольного общества.

Упоминается в рассказе еще один «политик», которого Никита Кожемяка называет «товарищ Ян». Именно он является автором карикатур, которые станут основой первого выпуска арестантской газеты. Ни одна деталь образа Яна более не упомянута, но «говорящими» становятся его рисунки, острая сатирическая направленность его творчества.

Идейная оппозиция «революционеры — власть». Появление газеты выводит на первый план еще один лагерь, враждебно настроенный по отношению к редакционному собранию. Это тюремное начальство и их подчиненные, представители власти. Ожидание неминуемого визита вершителей судеб сплачивает заключенных не меньше, чем выпуск рукописной газеты. «Обыск, конечно, был уже на самом рассвете» (курсив наш. — *Н. Л.*) [Чудаков, 2019, с. 42]. За этим вводным словом, употребленным повествователем, стоит абсолютная уверенность и в том, что обыск спровоцирован доносом, и в том, что именно будут искать, и даже в том, какое наказание последует в случае «успешных» поисков, а также уже привычное, обыденное отношение к тому, что обыск становится изощренной пыткой, ибо проходит «на самом рассвете».

Обезличенно-обобщенная власть, подкреплённая военными при появлении в камере, представлена повествователем в градационном порядке, последний компонент которого даже не поименован полноценно: «Парадно было: взвод солдатиков, дюжина надзирателей и *тому подобное*» (курсив наш. — *Н. Л.*) [Чудаков, 2019, с. 42]. Пристальное внимание начальства к «политикам» и их поведению названо чуть ли не торжеством: «парадно было». «Взвод солдатиков», подключенный к делу для устрашения и демонстрации силы, также создает эффект торжественности. Все вышли на обыск как на официальное мероприятие по уничтожению врага. Камера от усердного старания обыскивающих, желания заслужить одобрение и поощрение наполнилась не только шумом, но и неприятным запахом пота.

Чем пристальнее «внимание» тюремного начальства, тем более сплоченно ведут себя члены «редакционного собрания», чем больше сила действия, тем больше сила противодействия. В этом смысле не вызывает удивления реакция редколлегии на произошедшее: арестанты несколько не огорчены, напротив, с юмором относятся к обыску, даже испытывают эмоциональный подъем. «— Усердные поклонники. Рьяные читатели. Искали, как клад какой-нибудь, — говорил Никита... — Да, черт возьми, успех! — говорил Ваня Пиголица» [Чудаков, 2019, с. 42]. Для «политиков» такое внимание значило, что дело их не погибло; ни двери и решетки, ни надзиратели не в состоянии препятствовать их протесту и тесному союзу. Действительно, как клад, как сокровище, прятали от посторонних глаз арестанты драгоценные листки, проявляя необычайную смекалку. Упомянутая в начале рассказа «роскошная борода» редактора Никиты Кожемяки спасла «туго скрученный в маленький комочек и обмотанный нитками первый лист нашего журнала». Ваня Пиголица, «типография», сокрыл еще один листок, спрятав его в рукаве арестантского халата под мышкой, привязав «ниточками к мускулам руки». Третий лист не был изъят благодаря Пулемёту: он «кое-как завернул его в оберточную бумагу и хлебом приклеил к дну парашки». Выходит, что к обыску арестанты были готовы, ведь требуется время, чтобы так искусно спрятать листы. И тогда оправданной второй раз становится фраза: «Обыск, конечно, был уже на самом рассвете» (курсив наш. — *Н. Л.*) [Там же].

Образ рассказчика как центр системы персонажей. В описании процесса спасения первого номера, как нигде в рассказе, проявляется образ повествователя. Однако читатель уже с самого начала понимает, что сам автор, скорее всего, является представителем тюремной ячейки

эсеров. Повествователь не отделяет себя от происходящего, активно принимает участие в создании и спасении газеты: «*Нашим* кандидатом был Никита Кожемяка...»; «— Ну-с, товарищи, — начал *наш* редактор...»; «После Вани *читал я...*» (для литературного отдела газеты); «Моментально *наша* камера наполнилась шумом и запахом пота» (курсив наш. — *Н. Л.*) [Чудаков, 2019, с. 42]. Но особенно ярко проявляется позиция рассказчика через оценочную лексику в эпизоде спасения листов: второй лист газеты «дремлет» в рукаве во время обыска, как нечто живое, нуждающееся в защите и опеке; третий лист, «бедняжка», немного намок. И одновременно неудовольствие в адрес спасителя, который небрежно отнесся к сохранению листка: «Этот *растрепан* Пулемёт *кое-как* завернул его в оберточную бумагу и хлебом приклеил к дну парашки. Разве можно *так халатно* относиться к *литературным сокровищам?*» (курсив наш. — *Н. Л.*) [Чудаков, 2019, с. 42]. Однозначно, этот риторический вопрос только формальное обращение к Пулемёту, это вздох сожаления по поводу принципиальной невозможности сохранить «литературные сокровища»: образованные, умные, талантливые люди, способные сохранять настоящие духовные ценности, равнодушно уничтожаются системой государства, удаляются со страниц его истории.

Как бы для утверждения этой мысли заканчивается произведение сообщением повествователя о еще одном судьбоносном наказании, последовавшем за обыском: «На другой день редактор Никита прощался с редакцией. Его увозили на Лену» [Чудаков, 2019, с. 42]. Отправка в ссылку ожидалась Никитой «со дня на день», но, когда донос сыграл свою роковую роль, решение начальством было принято молниеносно, дабы не допустить повторного вольнодумства. Сомнения, кто этот донос совершил, рассеиваются заключительной фразой рассказа: «Эсдеки ехидно улыбались» [Там же]. Разногласия в политических взглядах, сначала перешедшие в расслоение по вопросу издания газеты, теперь перешли в личностную плоскость, воплотившись в безнравственное и подлое поведение.

Заключение

Представляя систему образов, автор запечатлел реальный исторический процесс расслоения общества: власть — революционеры, эсеры — эсдеки. Это разделение конкретизируется через зарисовку быта политических заключенных, зафиксированную автобиографическим персонажем — рассказчиком. Он не находится над ситуацией, а пребывает в ней, причем занимает определенное место в одном из лагерей, выражая субъективную точку зрения по отношению к другим.

Внешне распределение представлено следующим образом: место героя и его оценка зависят от принадлежности к той или иной социально-политической группе. Однако расстановка персонажей внутри системы все-таки обуславливается важными для писателя критериями оценки человека. В рассказе открывается авторская концепция личности: моральный облик персонажа играет ключевую роль, определяя его место в системе образов. Ф. И. Чудаков, сам являясь участником революционных событий, через призму художественного произведения размышляет о судьбе страны и ее людях, в чьих руках она сейчас находится.

Существующий порядок, который обеспечивают подневольные «солдатики» и добровольно избравшие род деятельности тюремщики, естественным не является. Сами слуги власти, имея в руках неограниченную силу, теряют естественный человеческий облик, постепенно лишаются (а некоторые из них, в соответствии с «естественным отбором», и изначально лишены) чувства справедливости и сострадания. У людей, находящихся на «псовой службе» (более позднее выражение автора книги «Архипелаг ГУЛАГ»), постепенно деформируются нравственные ориентиры.

Явная симпатия выражена эсерам — героям, близким по взглядам и устремлениям самому писателю. Эта группа представлена людьми разных возрастов и национальностей, скорее всего и разного социального положения. Однако различия не мешают им объединиться для достижения общих целей. Проявляя сплоченность, заинтересованность в деле, смекалку и определенный талант выживания в тюрьме, эсеры являют пример политической ячейки, способной на решительные действия.

Эсдеки в рассказе представлены обобщенно, как некая обособленная группа, которая и хотела бы принять участие в общем деле, но не имеет для этого ни способных людей, в том числе тех, кто смог бы стать лидером, ни умения идти на компромисс. Усредненность, обезличенность героев, их высокомерие по отношению к товарищам по неволе, нежелание договариваться с

оппонентами, их мнимая важность подчеркиваются выдвижением «нелепого кандидата» Жоржа Русо, тем самым автор акцентирует внимание на чисто внешней заинтересованности героев в достижении результата, на непринципиальности, кому и чем заниматься.

Так, изображая разногласия «политиков» по вопросам, казалось бы, простым — издание тюремной газеты, Ф. И. Чудаков словно предсказал то, что произойдет через несколько лет, уже после Октября 1917-го, — окончательный раскол, смертельная вражда эсеров и эсдеков. Возможно, что это стало одной из причин разочарования самого писателя, которое привело к трагическим последствиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. — Л. : Советский писатель, 1979. — 224 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с. — URL : <https://slovarozhhegova.ru/word.php?wordid=35181> (дата обращения: 10.11.2019).
3. Последнее письмо Ф. И. и В. И. Чудаковых // Чудаков Ф. И. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века : в 2 т. — Т. 2 : Убитая песня. — М. : Викмо-М : Русский путь, 2019. — С. 495.
4. Урманов А. В. Комментарии к разделу IV. Проза // Чудаков Ф. И. «Чаша страдания допита до дна!..» Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века. — Владивосток : Рубеж, 2016. — С. 676–689.
5. Урманов А. В. Убитая песня: Жизненная и творческая судьба «амурского Саши Чёрного» // Чудаков Ф. И. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века. — Т. 1 : Накипь дня. — М. : Викмо-М : Русский путь, 2019. — С. 5–28.
6. Хализев В. Е. Теория литературы : учеб. — М. : Высш. шк., 2004. — 405 с.
7. Чудаков Ф. И. Редакционное собрание // Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманов. — Т. 2 : Убитая песня. — М. : Викмо-М : Русский путь, 2019. — С. 41–43.
8. Чудаков Ф. И. К подписчикам журнала «Дятел, беспартийный» // Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века. — Т. 2 : Убитая песня. — М. : Викмо-М : Русский путь, 2019. — С. 495.
9. Якобсон Р. Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. — М. : Прогресс, 1987. — 464 с.

Сведения об авторе

Лаптева Наталья Андреевна — аспирант кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов: история русской литературы XX века.

Контактная информация: электронный адрес: rusoved12@gmail.com

N. A. Lapteva

The System of Images in F. I. Chudakov's Autobiographical Short Story "Editorial Meeting" *

The article analyzes prose fiction written by F. I. Chudakov (1888–1918), a Russian writer whose works have been recently rescued from their century-long oblivion to which they were consigned for ideological reasons. F. I. Chudakov's works that have been recently published in two volumes and are now accessible to a wide range of readers are largely underinvestigated. This consideration and the fact that the writer's personality and his literary legacy arouse readers' interest account for the relevance of the article.

---

* Lapteva N. A. The System of Images in F. I. Chudakov's Autobiographical Short Story "Editorial Meeting". *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 3 (68), pp. 91–99. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.010>

Being a participant of the revolutionary movement, F. I. Chudakov was arrested, imprisoned, and exiled, but managed to escape. The article analyzes F. I. Chudakov's autobiographical short story "Editorial Meeting" (1911) to investigate the characters placed in ideology-based oppositions: political — power; Socialist-Revolutionary — Social Democrat. They do not only show the real state of pre-revolutionary events, they embody the writer's concept of personality. A character's place in the system of images depends on his attribution to this or that social-political party. However, the analysis shows that a character's place in the system of images greatly depends on that character's personal qualities which are highly valued by Chudakov. Socialist-revolutionaries united in a common task of creating a handwritten intra-prison newspaper are shown as a politically active group capable of fighting for their ideals even in custody. Many characters have their own peculiarities, such as nicknames, characteristic features, unique speech patterns. Social Democrats, on the other hand, are shown in a highly generalized way and are devoid of personal characteristics. They are selfish and unscrupulous. They neglect their common task. Being corrupted and degenerated, jailers are depicted as creatures totally devoid of human characteristics. Characters' rectitude and integrity are intricately linked with those characters' attitude to the handwritten newspaper. The author's attitude to his characters is masterfully shown through the device of defeated expectancy.

Autobiographical short story; detail; narrator's image; system of images; device of defeated expectancy; F. I. Chudakov, "Editorial Meeting"

REFERENCES

1. Ginzburg L. Ja. *O literaturnom geroe* [About a Literary Character]. Leningrad, Soviet Writer Publ., 1979, 224 p. (In Russian).
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, ABC Publ., 1999, 944 p. Available at : <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=35181> (accessed: 10.11.2019). (In Russian).
3. The Last Letter of F. I. and V. I. Chudakovs. *Chudakov F. I. Izbrannoe: Iz tvorcheskogo nasledija vydajushhegosja satirika nachala XX veka. Tom 2: Ubitaja pesnja* [Chudakov F. I. Selected Works. Literary Heritage of an Outstanding Satirist of the 20th Century. Vol. 2 : The Murdered Carol]. Moscow, Vikmo-M Publ., Russian Path Publ., 2019, pp. 495. (In Russian).
4. Urmanov A. V. Comments to Section 4. Prose. *Chudakov F. I. «Chasha stradan'ja dopita do dna!..» Iz tvorcheskogo nasledija vydajushhegosja satirika nachala XX veka* [Chudakov F. I. "I've drunk the cup of misery to the dregs!.." Literary Heritage of an Outstanding Satirist of the 20th Century]. Vladivostok, Frontier Publ., 2016, pp. 676–689. (In Russian).
5. Urmanov A. V. The Murdered Carol. The Life and Artistic Career of Sasha Cherny of Amur. *Chudakov F. I. Izbrannoe: Iz tvorcheskogo nasledija vydajushhegosja satirika nachala XX veka. Tom 1: Nakip' dnja* [Chudakov F. I. Selected Works. Literary Heritage of an Outstanding Satirist of the 20th Century. Vol.1 : The Scum of the Day]. Moscow, Vikmo-M Publ., Russian Path Publ., 2019, pp. 5–28. (In Russian).
6. Halizev V. E. *Teorija literatury* [Literary Theory]. Moscow, Higher School Publ., 2004, 405 p. (In Russian).
7. Chudakov F. I. Editorial Meeting. *Izbrannoe: Iz tvorcheskogo nasledija vydajushhegosja satirika nachala XX veka. Tom 2 : Ubitaja pesnja* [Selected Works. Literary Heritage of an Outstanding Satirist of the 20th Century. Vol. 2 : The Murdered Carol]. Moscow, Vikmo-M Publ., Russian Path Publ., 2019, pp. 41–43. (In Russian).
8. Chudakov F. I. To the Subscribers of the Nonpartisan Woodpecker Journal. *Izbrannoe: Iz tvorcheskogo nasledija vydajushhegosja satirika nachala XX veka. Tom 2 : Ubitaja pesnja* [Selected Works. Literary Heritage of an Outstanding Satirist of the 20th Century. Vol. 2 : The Murdered Carol]. Moscow, Vikmo-M Publ., Russian Path Publ., 2019, pp. 495. (In Russian).
9. Jakobson R. *Raboty po pojetike: perevody* [Works on Poetics: Translations]. Gasparov M. L. (ed.). Moscow, Progress Publ., 1987, 464 p. (In Russian).

Information about the author

Lapteva Natalya Andreyevna — Postgraduate of the Department of the Russian Language and Literature at Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Research interests: history of Russian literature of the 20th century.

Contact information: e-mail: rusoved12@gmail.com

Поступила в редакцию 31.03.2020

Received 31.03.2020

